

ВКЛАД Г. Э. ЛЕССИНГА В ИСТОРИЮ РАЗВИТИЯ ЖАНРА БАСНИ

Берестень Е. Е.

Днепропетровский университет экономики и права им. Альфреда Нобеля

В статье предпринята попытка проанализировать работы отечественных и зарубежных учёных, предметом исследования которых стали басенная теория и басни Г. Э. Лессинга, и определить его вклад в историю развития басенного жанра.

Ключевые слова: басня, теория басни, мораль, жанр, особенности, принципы.

У статті зроблена спроба проаналізувати праці вітчизняних і зарубіжних учених, предметом дослідження яких стали теорія байки та байки Г. Е. Лессінга, та виявити його внесок в історію розвитку жанру байки.

Ключові слова: байка, теорія байки, мораль, жанр, особливості, принципи.

This article attempts to analyze the works of native and foreign scholars, which subject of investigation are fables and fable theory of G. E. Lessing, and to define his contribution to history of envelopment of fable genre.

Keywords: fable, fable theory, moral, genre, peculiarities, principles.

Драматическое творчество Готхольда Эфраима Лессинга и его вклад в развитие драматургии известно во всём мире. Однако Лессинг-баснописец знаком только узкому кругу специалистов. **Актуальность** нашего исследования обусловлена тем, что басни Лессинга были предметом изучения немногих учёных. Среди отечественных специалистов отметим Г. Фридендера [6], Г. В. Стадникова [4], В. Р. Гриба [1], В. П. Нестроева [3] и С. В. Тураева [5]. Все эти работы, разные по жанру и времени появления, внесли несомненный вклад в отечественное лессинговедение. Немецкие литературоведы также не обошли своим вниманием басенное наследие Г. Э. Лессинга. Среди них – Д. Рейнгард [9], В. Либхен [7], Г. Г. Маркшис [8].

Цель нашей статьи – проанализировать основные положения научных исследований отечественных и зарубежных лессинговедов и определить его вклад в историю развития басенного жанра.

Монография Г. Фридендера “Лессинг. Очерк творчества” дает достаточно полное представление о жизни и творчестве Г. Э. Лессинга. Прежде чем приступить к анализу некоторых басен Лессинга, ученый передает основные положения его басенной теории, а также дает определение басни в понимании Лессинга. Г. Фридендер подчеркивает, что басня, по Лессингу, не принадлежит к области поэзии. Она является промежуточным звеном между поэзией и моралью, лежит на границе обеих этих областей, подчиняясь законам каждой из них. Моральная поучительность, утверждает Лессинг, составляет закон басни, без морали басня теряет смысл, превращается в обычный рассказ: в отличие от других поэтических жанров, басня всегда должна быть основана на каком-либо общем моральном положении. Но свое поучение баснописец выражает не отвлеченно, а выбирает частный случай, который передавал бы это положение в форме, доступной непосредственному живому содержанию. Для этого поэт излагает событие так, как будто бы оно имело место в действительности, придавая басне форму рассказа.

Г. Фридендер объясняет, что теория басни Лессинга основана на учении философа-рационалиста Л. Вольфа о созерцательном виде познания. Там, где всеобщее существует в особенном и может быть непосредственно познано в этом особенном, мы имеем дело с созерцательным познанием. Для созерцательного познания всеобщее и особенное выступают

Г. Фриндлендер отмечает также, что во многих баснях Лессинг оружием насмешки борется со своими литературными противниками. Он высмеивает подражательство немецких писателей старшего поколения, изображая их в виде обезьян, которые умеют подражать повадкам каждого зверя, но именно поэтому-то и неспособны вызвать у кого-либо другого желание подражать им самим (“Обезьяна и Лисица”). Наряду с представителями классицизма и консервативно-бюрократической литературы Лессинг бичует реакционных цеховых ученых и трусливых филистеров, больше всего на свете боящихся тех, кто колеблет традиционные авторитеты (“Бык и Теленок”).

Оценку поэтического дарования Лессинга с точки зрения основоположника русского романтизма В. А. Жуковского анализирует в своей работе о Лессинге Т. В. Стадников. Жуковский коснулся вопроса о природе творческого дарования Лессинга в статье “О басне и баснях Крылова” (1809). Обобщая свои наблюдения в этой области, поэт дает классификацию басен, в основе которой лежит тематический признак, где определяющим критерием становится “поэтичность”. Г. В. Стадников замечает, что Жуковский рассматривает в истории басни три главных эпохи: первую, когда басня “была простым риторическим способом, примером, сравнением”, вторую – когда басня “сделалась одним из действительных способов предложения моральной истины для оратора или философа нравственного”, и, наконец, третью, “когда она из области красноречия перешла в область поэзии” [2, с. 84]. По мнению Жуковского, басня стала поэтичной, жизненно конкретной и живописно выразительной только под пером Лафонтена, поскольку освободилась к тому времени от сухой абстрактности и морализации. Жуковский относит басни Лессинга к лучшим образцам второй эпохи. П. В. Стадников утверждает, что русский поэт не относит этот тип басен к “изящной поэзии”: “Картина и образы в ней не порождены непосредственным поэтическим воображением, а рационалистически сконструированы как иллюстрации к моральным сентенциям. По мнению Жуковского, басни Лессинга сочинил теоретик, а не поэт” [2, с. 9697]. Для нас это наблюдение важно, так как позволяет отнести творчество Лессинга-баснописца к теоретизирующей поэзии. Это существенно также с точки зрения реакции басни Лессинга в русской культуре.

В отличие от других исследователей талантливый советский ученый и критик В. Г. Гриб отмечал, что “Басни” (“Fabeln” 1759) являются “результатом духовной зрелости и возвышения Лессинга над узким миром мещанской драмы, выражением того направления, которое он хотел придать немецкой литературе” [1, с. 15].

Выбор самого жанра – трезво реалистического, склонного к широкому изображению общественной морализации. “Сатирический смысл многих басен еще общ и расплывчат. Лессинг часто осмеивает традиционные пороки – глупость, тщеславие, самодовольство – не в их специфическом феодально-немецком выражении, а в абстрактном обобщении от всяких исторических условий. Такой чисто аналитический художественный метод, не столько объясняющий порок, сколько классифицирует его черты, требует, художественной силы мольеровского масштаба, которым Лессинг не обладал” [8, с. 4849]. Ученый называет также басни, где осмеиваются недостатки человеческой природы, – “Соловей и Павлин”, “Гусь”, “Мальчик и Змея”, “Медведь” и “Слон” мало оригинальными, холодными, повторяющими общие изречения ходячей мудрости.

Одновременно В. Р. Гриб отмечает, что многие из басен все же “не безобидны”. Под оболочкой невинной школьной притчи таится острая насмешка над пороками немецкой жизни, переходящая часто в политические выпады. В “Баснях” можно встретить готтедианцев – французоманов – в общем виде обезьян, сочинителей тяжеловесных “Герминид” в виде старцев, неспособных летать. “Страусы” – это также высокопарные подражатели Хлопштока, которые в первых стихах своих чудовищных од угрожают подняться выше облаков и звезд и все-таки остаются

а не возможность. Отвлеченная история еще не является басней. Но история, рассказанная с определенной целью, уже является басней. Для Лессинга созерцательное познание обладает наибольшей силой, если оно выражено в единстве особенного и действительного.

По мнению Д. Рейнга, теория Лессинга, несмотря на многие точные замечания, неверна (“nicht gerecht wird”). Предложенный Лессингом принцип “снижения”, как способ создания басни, приводит к рационалистическому сужению жанра. Ученый считает, что сами басни Лессинга разрывают “оковы” его теории, что свидетельствует о неподчинении Лессинга никаким правилам: “Lessings Prinzip der Reduktion als Mittel zum Erfinden von Fabeln bedeutet eine rationalistische Verengung. Lessings eigene Fabeln sprengen die Fesseln dieser Theorie und zeigen, daß sich der Dichter Lessing nicht unter das Joch einer Regel beugt” [9, с. 104]. Эта любопытная точка зрения свидетельствует, что немецкие ученые склонны проводить резкую границу между теорией и практикой Лессинга-баснописца, если даже и не противопоставлять их. Это значительно отличает зарубежную германистику, обращенную к данному вопросу, от отечественной.

Вильтфрид Либхен также изучает басенную теорию Лессинга и выделяет три принципа басни: принцип средства (Prinzip des Mittels), принцип задачи (Prinzip des Zwecks), принцип цели (Prinzip des Ziels): “Die Fabel hat das Prinzip des Mittels (die Akteure sind niedere Geschöpfe wie Tiere, Pflanzen, Gegenstände), das Prinzip des Zwecks (Verstehen eines Falls durch vereinfachende Veranschaulichung), und das Prinzip des Ziels (durch Erkenntnis dem Rezipienten zu neuen Handeln führen wollen)” [7, с. 128].

Принцип средства имеет три эффекта: 1) отчуждение – использование животного эпоса в басне. Преимущество этого эффекта Либхен видит в том, что объем экспозиции существенно сокращается за счет ненадобности описания характеров животных, которые известны читателю. Во втором эффекте ученый видит два процесса: 1) отчужденность персонажей-животных создает ту дистанцию, которая позволяет разуму, свободному от сопереживаний, трезво воспринимать главную мысль басни; 2) персонажи-животные вызывают у читателя чувство превосходства, которое позволяет ему относиться к героям снисходительно. Третий эффект состоит в том, что читатель равнодушен к повседневному. Если баснописец хочет привлечь во внимание повседневный процесс, он должен рассматривать его в сфере необычного.

Принцип задачи заключается в том, чтобы сделать сообщение доступным пониманию. Предпосылкой к использованию этого принципа является конкретное мышление, которое зависит от достоверности басни. Критерием достоверности является прежде всего, действительность, автор вскрывает ее противоречия, разбирает превосходство и осуждает глупость, все это с единой целью – побудить читателя через познание к новому образу жизни.

Г. Л. Маркшис, обращаясь к анализу басен Лессинга, относит его ранние произведения 1753 г. к комическим басням, а сборник “Fabeln” (1759) рассматривает, как попытку возродить басни Эзопа: “Lessing hatte mit seinen frühen Fabeln und Erzählungen in Versen (1753) die Grenzen der komischen Fabeln erfahren. Von daher fällt auch das rechte Licht auf seinen Versuch, die dionysischen Fabeln wieder zu erneuern” [8, с. 437]. Для анализа ученый выбирает три басни: “Внешний вид” (“Erscheinung”), “Бронзовая статуя” (“Die ehernen Bildsäule”), “Обладатель лука” (“Besitzer des Bogens”), в которой заключается основная идея Лессинга о развитии басенного жанра. Просветитель пародирует наивный тон басни и оправдывает сознательный умысел (Kunstabsicht) новейших произведений их стремлением к этике и созиданию: “Die Erscheinung parodiert den naiven Fabelton und rechtfertigt die bewusste Kunstabsicht der neueren Fabeln zu ihrem Endzweck der Sittenlehre und Erbauung” [8, с. 439].

Лессинг говорит также о связи традиции и изобретения (Erfindung) при создании нового произведения. Новая картина должна вырисовываться на материале басен Эзопа: “Aus der Materie der zerstörten Aesopica soll sich ein neues Bild erheben”. По мнению теоретика, басня, подобно луку перенасыщенному украшениями, перестала со времен Лафонтена достигать своей цели.

